

Т.Ю. Казанцева

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РОДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Северский государственный технологический институт

Учитывая особенности морфологической структуры древних индоевропейских языков, А. Мейе предположил, что трехчленной родовой системе классификации предшествовала двухчленная. По его мнению, средний род некогда противостоял не мужскому и женскому как двум самостоятельным родам, а как единому целому, впоследствии распавшемуся на два отдельных рода [1, с. 1–28]. В соответствии с теорией А. Мейе одушевленные существительные стали отделяться от неодушевленных, и только позднее класс одушевленных делился на два рода: мужской и женский. Многие исследователи согласились с такой реконструкцией происхождения индоевропейской родовой системы. Т. Барроу путем сравнительных исследований проникает в истоки этой системы. На ранней стадии он выделяет «два класса имен: с одной стороны, “общий род”, позднее разделившийся на мужской и женский, с другой стороны – “средний род”». «На следующей стадии начинается развитие женского рода» [2, с. 191].

Итак, более ранняя форма выражения грамматического рода связана с двухчленной классификацией, которая, по мнению А.В. Десницкой, основана на оценке всех предметов и явлений по той роли, какую они играют в процессе деятельности человека и познании им окружающего мира. Именно такое деление выразилось в создании категории «так называемого среднего рода» [3, с. 67].

Однако У. Уитни изменил схему А. Мейе отделения родов. Он полагал, что женский род первым отделялся от мужского. «Отделение же среднего рода от мужского было позже по происхождению и в значительной степени менее маркировано...» [4, с. 273–274]. В свою очередь Е. Курилович, исследуя славянские языки, полностью подтвердил идеи А. Мейе [5, с. 255].

В. Леман заключил, что «средний род в индоевропейских языках проявился позже, только после появления мужского и женского родов» [6, с. 197]. Следует отметить, что данной точки зрения придерживались и У. Уитни, и Г. Гюнтер.

Немаловажное значение имеет мнение А. Мартине, которое заключается в том, что женский род впервые появился в согласовании указательных местоимений с группой имен. Местоименное противопоставление могло служить для выражения половых различий.

Действительно, были проведены различные исследования, но только работы таких ученых, как Э. Бенвениста и Е. Куриловича, касались происхождения основ существительных [7, с. 5].

Дальнейшее обсуждение основывается на теории В. Лемана. Он утверждал, что «новое фонологическое описание протоиндоевропейского должно придерживаться новых морфологических исследований» [6, с. 181].

По мнению В. Лемана, возникновение системы согласования было вопросом времени: «Сходство в функции, ведущей к сходству в окончаниях многих существительных, прилагательных и указательных местоимений, привело к родовому согласованию между существительными и их определяющими... Благодаря установлению согласования между формами со сходным окончанием возникло тройное согласование, хотя без какого-либо упоминания о поле или естественном роде» [6, с. 196].

И. Фодор согласился с теорией А. Мейе, который разделил существительные на одушевленные и неодушевленные, что явилось, по его мнению, первой стадией развития индоевропейского рода [8, с. 32]. Кроме того, И. Фодор относит происхождение грамматического рода к протоиндоевропейскому периоду, в отличие от В. Лемана, который относит его к праиндоевропейскому периоду.

В результате принятия одушевленной/неодушевленной дихотомии И. Фодор приходит к выводу, что средний и несредний роды разделялись по синтаксическим причинам, тогда как мужской и женский роды стали различаться благодаря семантическим и морфологическим причинам.

С точки зрения В. Лемана, «три согласованных класса возникли одновременно» [6, с. 199], потому что эти родовые классы являлись результатом одинаковых фонологических и морфологических изменений. Исходя из вышеуказанного, можно заключить, что пока нет единого взгляда на категорию рода. Как многие ученые отмечали, некоторые проблемы исследования данной категории продолжают оставаться предметом дискуссии, в том числе такие важные, как соотношение категории рода с дифференциацией по полу, одушевленности и неодушевленности, с категориями лица и нелица, «активных» и «пассивных» предметов; двоичная и троичная системы родовой оппозиции, содержание родовых форм в различных лексико-грамматичес-

ких разрядах существительных; проблема соотношения морфологии и синтаксиса в выражении категории рода [9, с. 205–207; 10, с. 53–61].

Трехродовой системе классификации существительных в индоевропейских языках предшествовала двухродовая, основанная на противопоставлении по признаку одушевленности/неодушевленности [11, с. 57, 163]. Категория одушевленности/неодушевленности привлекала внимание многих лингвистов [12, с. 345–346; 13, с. 59–65].

В данной работе особое внимание мы акцентируем на более ранней форме выражения рода, которая связана с категорией одушевленности/неодушевленности, поскольку консонантные форманты в древнегерманских языках служили маркерами одушевленности [14, с. 153].

В настоящее время высказывается мнение, что деление существительных на «одушевленные» и «неодушевленные» классы характерно для языков классной типологии [11, с. 281]. Разделение существительных на эти два класса было свойственно не только языкам классного типа, но и языкам активного строя на начальном этапе [11, с. 173–174, 268–269]. Г. Климов отмечает, что «... эволюция многоклассного противопоставления существительных в бинарную оппозицию активного (“одушевленного”) и инактивного (“неодушевленного”) классов была засвидетельствована в истории целого ряда языков» [11, с. 270].

Сравнение с кетским языком в какой-то степени может помочь восстановить картину праиндоевропейского языка, так как в кетском, наряду с зачатками деления по родам, сохранилось более древнее деление существительных на классы: одушевленный/неодушевленный или вещный/невещный [15, с. 63, 64].

К одушевленным именам в кетском относятся названия не только живых существ, некоторых частей тела и всего растущего, но и названия социально значимых предметов [16, с. 36]. В кетском языке выделяются и показатели одушевленности для множественного числа и рода (для единственного числа мужского рода – -а-, для женского рода – -i-) [15, с. 70, 71]. Что касается праиндоевропейского языка, то такую четкую градацию невозможно восстановить. Можно лишь наблюдать, что в одних основах группируется больше слов мужского рода, например, индоевропейские о-основы (германские а-основы), в других – женского рода, например, индоевропейские ā-основы (германские ð-основы), некоторые основы содержат все три рода.

М.М. Гухман в отношении праиндоевропейского допускает существование в системе существительных «...бинарной оппозиции активного и инактивного классов, соотнесенной и частично пере-

крываемой противопоставлением существительных по признаку одушевленности/неодушевленности» [17, с. 229].

Даже в тех языках, в которых категория рода сохранилась, и сейчас можно наблюдать очень сложные переплетения этой категории с выражением в имени противопоставления по полу, личности–неличности, одушевленности/неодушевленности. Кроме выражения одушевленности Т.В. Гамкрелдзе и В.В. Иванов указывают на сочетание различных признаков у активных существительных [18, с. 428].

По мнению А.Н. Савченко, для праиндоевропейского «термины “одушевленный” и “неодушевленный” не точны, потому что к активному классу принадлежали также многие имена, обозначающие неодушевленные предметы» [19, с. 74–90].

А.В. Десницкая считает неверным подходить к семантике двухчленной классификации в каждом отдельном языке с единой формулой: «одушевленные–неодушевленные», «активные–пассивные», «разумные–неразумные» [3, с. 67].

В данной работе термин «категория одушевленности/неодушевленности» используется не случайно. Во-первых, это наиболее употребительный и традиционный термин, а во-вторых, в древнегерманских, как и в древних индоевропейских языках, сохранились остатки деления существительных на одушевленные и неодушевленные. Поэтому будем рассматривать одушевленные классы имен в более широком смысле, то есть имена, включающие также признаки активности.

К «одушевленному» классу можно отнести такие имена, которые А. Мейе характеризует следующим образом: «В индоевропейском все, что движется, все, что действует, тем самым попадает под понятие “одушевленного”» [12, с. 345]. Интересна мысль А. Мейе о том, что “если исходить из мышления полудивилизованного человека, можно почти всегда объяснить, почему то или иное другое слово относится к «одушевленному» или «неодушевленному» роду [12, с. 346], такой же точки зрения придерживается Г. Корбетт [20, с. 317]. К «одушевленному» роду А. Мейе также относит и «... имена, обозначающие активные силы» [12, с. 346]. Поскольку деление на одушевленные и неодушевленные предметы в силу различных культурных и религиозных представлений у индоевропейца могло быть иным, поэтому, по мнению К. Шилдз, некоторые имена (ветер, солнце, мороз и т.д.), обозначающие неодушевленные предметы, «могут выступать в функции агенса» [21, с. 226–227].

Дж. О'Кёрм также высказывался об одушевленном классе и утверждал, что древние индоевропейцы персонифицировали гораздо больше неодуше-

ленных вещей, например, таких, как солнце, луна, земля, небо, море, звезды, кустарники, растения, цветы, деревья, реки, ветры, вода, огонь, действия, процессы и т.д. Отличались же одушевленные имена от неодушевленных по форме и тем, что не различали естественного пола. Можно предположить, что имена одушевленного класса отличались от неодушевленного не только своей семантикой, но и определенной маркировкой. Поэтому, обращая особое внимание на группы существительных, обозначающих одушевленные денотаты, считаем важным их маркированность как один из признаков, по которому древние относили их к классу одушевленных. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов полагают, что к активным (одушевленным) денотатам древние индоевропейцы относили не только людей, животных, деревья и растения. «Помимо имен с естественно-активными денотатами к активному классу относятся, очевидно, и такие “неодушевленные” объекты, которые мыслятся носителем языка как выразители активного начала, наделенные способностью к активной деятельности. К этим именам принадлежат названия подвижных или наделенных способностью к активной деятельности частей человеческого тела: рука, нога, глаз, зуб и другие, а также названия персонифицированных, активно мыслимых явлений природы и абстрактных понятий: ветер, гроза, молния, осень, вода, река, рок, судьба, доля, благо и др.» [18, с. 274].

С именами одушевленного класса также будем связывать социальную значимость соответствующих денотатов. В этом нас убеждает особое отношение аборигенного населения Сибири ко многим вещам, играющим важную роль в их жизни. Кроме того, как показали исследования Г.К. Вернера, в кетском языке к одушевленному классу относятся имена, обозначающие социально значимые вещи [16, с. 34–45]. Что же касается языков активной типологии, то в них происходит постепенная перестройка оппозиции по признаку общественно активных денотатов общественно неактивным [11, с. 211–212].

Существительные, относящиеся к одушевленному классу, как правило, входят в основной фонд древней индоевропейской лексики. А. Мейе называет следующие группы этой лексики: а) названия родства; б) названия животных и растений; в) названия некоторых вещей (топор, сосуд, названия металлов и т.д.); г) части тела [12, с. 391–408]. Более детальная группировка имен семантического словаря индоевропейцев дана в книге Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [18].

Такие существительные во многих уральских языках наделены лично-притяжательными суффиксами, т.е. присоединяют посессивные фор-

манты. В тех финно-угорских языках, где категория посессивности (принадлежности) имеет материальное выражение, она, как правило, связана с существительными только определенной семантики.

В одном из уральских языков, селькупском, лично-притяжательные суффиксы способны принимать субстантивы, обозначающие родственные или близкие к ним отношения, части тела человека или животного, предметы домашнего обихода [22, с. 74–81].

Эти группы существительных обладают поразительным сходством с группами существительных в древнегерманских языках, относящихся к склонениям с консонантными элементами. Более того, они во многом напоминают существительные, способные принимать формы органической (неотторжимой) принадлежности в языках активной типологии [11, с. 149, 153].

Отражение категории одушевленности/неодушевленности в склонении древнегерманских существительных будем связывать с употреблением в них основообразующих формантов, то есть с наиболее древними маркерами именных классов.

Поскольку консонантные основообразующие форманты сохранились во всех ветвях индоевропейских языков, постольку «действия» данной маркировки должны были относиться к прошлому, видимо, к индоевропейской языковой общности. Период же отделения общегерманского языка от западной группы древних индоевропейских языков до сих пор является спорным вопросом [23, с. 114–119; 24, с. 44–67].

Действительно, древнегерманские языки в исторический период сохраняют лишь следы некогда существовавшей бинарной оппозиции в делении существительных на одушевленные и неодушевленные при помощи отнесения их к соответствующему склонению. Поэтому в данной работе именами, выражающими одушевленность, будут считаться существительные, относящиеся к общеиндоевропейскому слою германской лексики и имеющие маркер одушевленности.

Р.З. Мурясов на материале современного немецкого языка показал связь типа склонения с проявлением категории одушевленности/неодушевленности [25, с. 353–368].

Отголоском древней индоевропейской категории одушевленности/неодушевленности является на более позднем этапе развития индоевропейских языков существование склонений существительных на определенные основы. Хотя каждый из основообразующих формантов с консонантными элементами обладает своей спецификой и, возможно, в своих истоках выражал более конкретное лексическое значение, впоследствии все эти

форманты были объединены одним семантическим стержнем – служить для обозначения одушевленности.

Многие лингвисты высказывали мнение по поводу семантического принципа группировки существительных по основам [26, с. 165; 27, с. 4–12]. Данное утверждение было достигнуто на основании значения суффикса *-g-*. А.В. Десницкая обнаруживает семантическое единство слов, оформленных данным формантом (суффиксом), который объединяет имена родства; названия частей тела человека и животного; термины, связанные так или иначе с областью культа, поскольку род, по ее мнению, «являлся основной единицей культа в древнем обществе» [3, с. 61–62].

Семантика одушевленности проявляется у существительных с суффиксами *-an-*, *-jan-* в древнегерманских языках, которые обозначают имя действующего лица [28, с. 9; 29, с. 79–80].

К. Бругман пытался обнаружить семантическое единство в отдельных суффиксах имен в древних индоевропейских языках, некоторые из которых являлись в то же самое время и основообразующими формантами. По его мнению, значение родства передавали суффиксы *-eg-*, *-teg-*. Существительные, обозначающие названия животных, К. Бругман объединял индоевропейским суффиксом *-bho-*, который обнаруживался в отдельных словах, где его уже было трудно распознать. Названия частей тела К. Бругман связывал с индоевропейским суффиксом *-ep-*, который, по его мнению, в более раннее время не имел ничего общего с этими названиями [30, с. 430].

В языках других семей, например в кетском языке, показатель одушевленности в имени хорошо выделяется и занимает такое же положение в структуре имени, как и консонантные основообразующие форманты в древних индоевропейских языках [15, с. 70–71; 31, с. 16].

Ф. Шпехт пытался установить связь между категорией одушевленности/неодушевленности и основами существительных в древних индоевропейских языках. В своем труде, посвященном возникновению индоевропейского склонения, он высказывает мысль о том, что родовые различия в существительных не связаны с основами, а представляют лишь вторичные явления по отношению к основам [32, с. 112, 117]. Идею Ф. Шпехта поддерживают и развивают такие ученые, как К.Е. Майтинская, Л.П. Якубинский и Г. Дечи. Так, Г. Дечи утверждает, что «род играет второстепенную роль в системе парадигм склонения существительных» [33, с. 44].

Интересна мысль Ф. Шпехта о том, что в разнообразии индоевропейских основ можно обнаружить различие по признаку одушевленности/неодушевленности. Ф. Шпехт выделяет несколько

групп существительных, обозначающих предметы, которые были в поле зрения индоевропейцев. Эти предметы не были многочисленны, но тесно связаны с человеком и его жизнедеятельностью. К ним относятся следующие группы: 1) созвездия, обозначение времени, окружающая природа, небо, земля, огонь, вода, море, камни, горы, пещеры, ямы, дороги и др.; 2) окружающий человека мир животных и продукты этого мира; 3) мир деревьев и растений и изделия из них; 4) части тела; 5) семья, дом, жилище, орудия и т.д. [32, с. 5]. Слова, обозначающие предметы в перечисленных группах, очень редко относились к индоевропейским *o-* или *ā-* основам. Как правило, они принадлежали к консонантным или гетероклитическим основам, в которых был представлен наиболее древний слой индоевропейского словаря [32, с. 6–7, 301–302, 306–307, 385–386]. Все эти реалии древние индоевропейцы или одушевляли, или персонифицировали. Ф. Шпехт выдвигает идею о том, что индоевропейские основообразующие показатели характеризуются местоименным происхождением [32, с. 293, 303, 307, 310–315, 353], но он не дифференцирует их появление от падежных показателей, возникших, по его мнению, также от различных корней указательных местоимений [32, с. 353, 354, 382]. Считая вполне правдоподобным появление основообразующих формантов из указательных местоимений, мы присоединяемся к мнению И. Фодора о том, что многое в теории Ф. Шпехта не получило достаточного обоснования, в особенности его чересчур прямолинейное объяснение превращения указательных местоимений в основообразующие форманты [8, с. 27].

Конечно же, становление основообразующих формантов относится к очень отдаленному прошлому индоевропейской языковой общности и представляло собой длительный и постепенный процесс. Этот процесс во временном плане должен был предшествовать образованию падежных окончаний, а не как у Ф. Шпехта – почти одновременно, из которых не все можно объяснить местоименным происхождением, за исключением именительного и родительного падежей на *-s*, а также винительного на *-m* [34, с. 94; 18, с. 278, 285–286]. Необходимо отметить, что Ф. Шпехт недостаточно последователен. С одной стороны, он постулирует, что основообразующие форманты не имели отношение к роду, а с другой стороны, он связывает отдельные индоевропейские суффиксы с грамматической категорией рода, хотя и признает, что это уже вторичное явление [32, с. 112, 117]. Поэтому неудивительно, что Ф. Шпехт подвергался неоднократно критике со стороны других лингвистов [6, с. 186; 8, с. 27–28; 35, с. 182–213]. И все-таки мы придаем большое значение работе Ф. Шпехта, так как в ней обращается внимание на связь основообразующих фор-

мантов с определенными пластами древней индоевропейской лексики и делаются попытки объяснить происхождение этих формантов.

Поскольку в склонении германских языков сохранилось более древнее отражение именной системы, то современные германские языки могут быть полезны при рассмотрении древней именной классификации. Если категория одушевленности/неодушевленности в русском языке охватывает все типы склонения существительных и находит свое выражение в падежном оформлении, то в современном немецком языке для выражения одушевленности используется слабое склонение. Оно является морфологическим средством выражения одушевленности, поскольку в нем сосредоточены имена мужского рода, обозначающие живые существа [25, с. 360].

Итак, в современных германских языках обнаруживаются формальные признаки некогда существующего деления имен на одушевленные и неодушевленные в виде специального склонения, где основная маркирующая роль принадлежит консонантному форманту.

Описывая общеславянскую систему склонения, Л.П. Якубинский отмечает сохранение «старого индоевропейского характера». К таким пережиткам относится деление существительных на деklinационные группы вне зависимости от их деления по родам [26, с. 164, 167], хотя сам принцип классификации существительных по деklinационным моделям Л.П. Якубинскому неясен. «Принципы классификации понятий и их названий, легшие в основу образования индоевропейских деklinационных групп имен, нам сейчас совершенно неизвестны. Для нас ясно только то, что в основе первоначального деления имен на деklinационные группы должен был лежать какой-то семантический принцип, какое-то содержание, формой выражения которого и были наши различные основы склонения» [26, с. 165].

Вышеупомянутые данные об отражении категории одушевленности/неодушевленности в склонении существительных позволяют заключить, что они в основном касались более позднего проявления этой категории, то есть когда она была связана с оформлением субъектно-объектных отношений. Вопрос же об отношении категории одушевленности/неодушевленности к основообразующим формантам в древнегерманских языках еще не исчерпан. Он связан не только с возникновением и употреблением основообразующих формантов, но и с возникновением первых падежных показателей. В некоторых случаях в древнегерманских языках можно обнаружить следы более раннего индоевропейского состояния [36; 37, с. 58–73; 38, с. 72].

Л.П. Якубинский высказывался о том, что деление существительных на одушевленные и неоду-

шевленные в древнейшем индоевропейском состоянии не имело сложившегося выражения [26, с. 168]. Полностью согласиться с этим нельзя, если связывать выражение одушевленности в существительном не с падежными показателями и согласованием, а с основообразующими формантами, содержащими консонантные элементы, которые в какой-то период праиндоевропейского языка имели большой смысл и могли использоваться, очевидно, для противопоставления одушевленного класса имен неодушевленному. Становление таких основообразующих формантов, как индоевропейские *-o-*, *-ā-*, связывается в настоящее время с распределением существительных по родам [39, с. 175, 198].

Поскольку первичным выделением мужского и женского родов могли быть не только согласовательные отношения, но и чисто морфологические показатели, наподобие того, как в кетском языке показатель *-a-* маркирует мужской род, а *-i-* – женский род, то, пожалуй, гласная маркировка германских *a-*, *ō-* основ как раз и подтверждает точки зрения лингвистов, выделяющих мужской и женский роды раньше среднего.

Присоединяясь к данному мнению, мы полагаем, что средний род знаменует собой последний этап в развитии именной системы, то есть он выделяется при помощи вторичных флексий, если считать консонантные основообразующие форманты первичными.

О.А. Осипова высказывается о том, что древнегерманские консонантные основообразующие форманты были способны служить не только формативами определенных склонений, но также выполнять функцию маркеров одушевленности и, по всей вероятности, древнего активного падежа, принадлежности и определенности [14, с. 153].

Возможность подобных явлений в индоевропейских языках отмечает М.М. Гухман: «Для древних индоевропейских языков типичным было совмещение в одном маркере нескольких граммем» [17, с. 107].

Способность древнегерманских существительных на консонантные основы иметь показатели одушевленности и выражать в большинстве случаев определенную семантику позволяет говорить о том, что категория одушевленности/неодушевленности может быть охарактеризована как лексико-грамматическая, если следовать определению А.И. Смирницкого: «...собственно-грамматические категории конституируются объединением и взаимным противопоставлением различных грамматических форм, соотносящихся по одному признаку – значению данной категории. Лексико-грамматические же категории конституируются подобным же объединением и противопоставлением различных грамматических классов и рядов слов: грам-

матический момент имеется здесь потому, что эти классы и разряды являются грамматическими, то есть характеризуются определенными грамматическими формами (и определенной грамматической сочетаемостью). Лексический же момент определяется тем, что соответствующие грамматические признаки характеризуют и различают здесь именно слова, а не отдельные их формы» [40, с. 47].

Очень большое значение в данной работе имеет тот факт, что активные имена составляли подавляющее большинство в склонениях на консонантные основы. Поэтому естественно предположить, что консонантные основы, а также основы, содержащие консонантные элементы, представляют собой остатки наиболее древнего склонения. Данное мнение согласуется с точкой зрения Т. Барроу о том, что «порядок рассмотрения склонений в индоевропейских языках неправильный: следовало бы начать знакомство с падежной системой, прежде всего консонантных основ, ибо они дают наиболее устойчивую систему окончаний, которая в значитель-

ной степени затемнена у гласных основ» [2, с. 227–228]. Предположение на этот счет высказывает также П. Шантрен: «Тематическая флексия составляет одну из существенных частей именной системы в греческом языке. Возможно, она возникла в индоевропейском языке позже, чем другие типы» [41, с. 22–23]. И Ф. Шпехт считает консонантные склонения наиболее древними, в особенности гетероклитические склонения; гласные же склонения, по его мнению, пополнялись именами из других склонений [32, с. 7, 9, 353]. К более поздним склонениям, по сравнению с консонантными склонениями, Г. Хирт и В. Леман относят индоевропейские *o-* и *ā-*основы. [42, с. 266; 6, с. 188, 193, 201].

Таким образом, консонантные основообразующие форманты в индоевропейских языках характерны для существительных всех трех родов, поэтому они не имели отношения к категории грамматического рода, которая сформировалась позже. Их первоначальное значение связано с более ранней категорией – категорией одушевленности/неодушевленности.

Литература

1. Meillet A. Essai de Chronologie des Langues Indo-Européennes // BSL, 1931. Vol. 32.
2. Барроу Т. Санскрит. М., 1976.
3. Десницкая А. В. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.
4. Whitney W.D. Language and the Study of Language / Twelve Lectures on the Principles of Linguistic Science. 5th ed. New York, 1873.
5. Kuryłowicz J. Studes Indoeuropéennes. Krakow, 1935.
6. Lehmann W. P. On Earlier Stages of the Indo-European Nominal Inflection // Language, 1958. Vol. 34. № 2.
7. Benveniste E. Origines de la Formation des Noms en Indo-Européen. Paris, 1935.
8. Fodor I. The Origin of Grammatical Gender // Lingua, 1959.
9. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
10. Иоффе В.В. Происхождение и развитие категории рода в праиндоевропейском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1973.
11. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
12. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., Л., 1938.
13. Тронский И.М. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967а.
14. Осипова О.А. Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М., 1990.
15. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968.
16. Вернер Г.К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопр. языкознания. 1974. № 1.
17. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
18. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 1. Тбилиси, 1984.
19. Савченко А.Н. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
20. Corbett G.G. Gender. Cambridge, 1991.
21. Шилдз К. Некоторые замечания о раннеиндоевропейской именной флексии // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988.
22. Ким А.А. Семантические основы сочетаемости лично-притяжательных суффиксов с именами существительными в селькупском языке // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Новосибирск, 1981.
23. Сравнительная грамматика германских языков / Ответ. ред. М.М. Гухман и др. Т. 1. М., 1962.
24. Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965.

25. Мурясов Р.З. Слабое склонение имен существительных как морфологическое средство выражения одушевленности // Уч. зап. / 1-й Моск. пед. инст. ин. яз. им. Мореса Тореза, 1969. Т. 52.
26. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.
27. Осипова О.А. Следы классного и активного строения имени в древних индоевропейских языках // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск, 1984.
28. Kluge F. Nominale Stammbildungslehre der Altgermanischen Dialekte. Dritte Auflage, Max Niemeyer Verlag. Halle, 1926.
29. Сравнительная грамматика германских языков / Ответ. ред. М.М. Гухман и др. Т. 3. М., 1963.
30. Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1892. Bd. 2. XIV.
31. Осипова О.А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск, 1980.
32. Specht F. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.
33. Décsy G. The Indo-European Protolanguage: A Computational Reconstruction. Bloomington, Indiana: Eurolingua, 1991.
34. Тронский И.М. О доминативном прошлом индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967б.
35. Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
36. Гухман М.М. Происхождение строя готского глагола. М., Л., 1940.
37. Гухман М.М. Конструкции с дательным-винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
38. Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. М., Л., 1949.
39. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
40. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопр. грамматического строя. М., 1955.
41. Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953.
42. Hirt H. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1927. Bd. III.

И.В. Новицкая

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОКОРЕННЫХ РАЗНОСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Томский государственный университет

Одной из особенностей готского языка, которая, несмотря на достаточно пристальное к ней внимание, не получила однозначного и всеобъемлющего объяснения, является наличие в нем однокоренных существительных, отличающихся парадигматически.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы определить масштабы распространения однокоренных разносклоняемых существительных в готском языке, рассмотреть существующие теории их интерпретации и наметить основное направление исследования подобных минимальных пар.

Первоначально исследователи этого древнегерманского языка ограничивались лишь указаниями на факт существования ряда однокоренных существительных со сходными или слегка отличающимися значениями, но относящихся к различным типам именного склонения [1, с. 320; 2, с. 154; 3, с. 65; 4, с. 125 и др.]. Данное замечание почти всегда касалось исключительно существительных женского рода (ж. р.) основ на *-eip* и *-i* и сопровождалось перечислением засвидетельствованных пар. В даль-

нейшем в круг подобных пар были включены и существительные *ō*-основ с суффиксом *-īra-*, которые, с точки зрения У. Мейда, семантически были противопоставлены существительным *eip*-основ как имена с более конкретным значением [5, с. 145]. Подробный анализ однокоренных *ei-* и *īra*-существительных ж. р. натолкнул Э. Бенвениста на предположение о том, что *ei*-образования в готском использовались для обозначения качества как такового, в то время как *īra*-производные выражали конкретную реализацию этого качества [6, с. 21–45].

Несколько десятилетий спустя О.А. Осипова предложила свою интерпретацию закономерного употребления однокоренных разносклоняемых существительных с одним предметным значением. Прежде всего, О.А. Осипова квалифицировала подобные пары существительных как *грамматические синонимы*, под которыми понимались «различные формы, употребляемые в близком грамматическом значении, совпадающие в своем основном значении и различающиеся в дополнительном» [7, с. 14]. Далее на примерах употребления параллель-